

Елена Пестерева

ДЕМИСЕЗОННОЕ ЧТЕНИЕ

Два номера подряд я начинала обзор с нобелевских лауреатов и пока не вижу причин отклоняться от этого правила. В издательстве «Текст» вышла новая книга нобелиата 2014 года, французского писателя **Патрика Модиано «Ночная трава»**¹, 27-я по счету и не последняя. С Модиано русскому читателю повезло много больше, чем с той же Манро — его романы публиковала «Иностранная литература» («Ночная трава» открывала сентябрьский номер 2015 года), издавал «Текст», а после присуждения премии — переиздавала «Азбука».

Нелинейный сюжет, сложенный из обрывков воспоминаний, частью восстановленных целиком, частью так и оставшихся провисать, *lento* речи автора-рассказчика и мокрый серый демисезонный Париж — это очень знакомый Модиано. Обычно в его романах есть рассказчик, который по каким-то обрывочным сведениям (газета в «Доре Брюдер», оставшееся на клочке бумаги предсказание гадалки в «Маленьком чуде») восстанавливает историю героев и отчасти — свою собственную. Модиано наделяет автобиографическими чертами не только рассказчиков, но и других персонажей, так что в известной степени все они — он. Из современного Парижа можно запросто провалиться в Париж 20-х, или в оккупированный Париж 40-х (это чаще: сам Модиано родился в 1945-м и сороковые ему ближе), или в Париж 60-х, но в любом случае будет сыро, туманно, безотчетно-тревожно, будет дождь, или редкий теплый снег, или холодная сырая весна, полумрак и промозглый ветер с Сены. Кроме знакомого зыбкого пейзажа и мглы воспоминаний, в «Ночной траве» есть знакомая любовная линия — прерывистая и безнадежная, без начала, без конца, и девушка в том же духе — загадочная, лишившаяся дома, с поддельными документами, в бегстве.

¹ Патрик Модиано. Ночная трава. Перевод с французского Тимофея Петухова. М.: Текст, 2016, 160 с.

В этом смысле показательнее дождавшиеся издания в 2015-м году в виде книги **«Незнакомки»**¹ — три нетипичных для автора женских монолога-воспоминания, давно переведенные Ириной Волевич. Девушки у Модиано приезжают в Париж, снимают дешевые комнаты размером с кровать в отелях на окраинах, ездят на работу на метро, но чаще ходят пешком, подают эклеры в кафе, нянчат чужих детей, устраиваются машинистками и продавщицами канцтоваров. Париж не манит их огнями, но они надеются, что среди его улиц и людей смогут смешаться с толпой, заблудиться в нем, растаять в дожде и так спрятаться. Они твердят: «Сколько уже лет я бегаю по кругу и никак не могу вырваться... Меня захлестнуло унылое чувство неприкаянности и одиночества, которое я даже не пыталась побороть. А ведь я знала, что для этого нужен сущий пустяк — дружеский голос, который дал бы мне совет, заботливая рука на плече...»

В нобелевской речи Патрик Модиано вспоминает послевоенный Париж — город «из дурного сна, где каждый мог стать жертвой доноса или облавы на выходе из метро, между людьми, которые в мирное время никогда бы не пересеклись, происходили случайные встречи; в сумраке комендантского часа рождались непрочные связи, без какой-либо уверенности в том, что удастся встретиться вновь». Время «Ночной травы» — 60-е годы, но атмосфера та же: «тот Париж все еще преследует меня, а его приглушенный свет порой пронизывает мои книги». Чтобы захотеть совпасть с этой атмосферой, нужно иметь своеобразный строй души, но для начала октябрьско-ноябрьского обзора книги Патрика Модиано подходят как нельзя лучше: сезонному сплину они под стать.

Полная противоположность Модиано — роман итальянского кинорежиссера **Паоло Соррентино «Молодость»**². Он вышел вместе с одноименным фильмом, который в 2015 году был номинирован на «Золотую пальмовую ветвь» и получил премии Европейской киноакадемии за лучший фильм и лучшую режиссуру. И конечно, желающих посмотреть фильм оказалось больше, чем желающих прочитать книгу. Боюсь, роман так и останется недооцененным.

¹ Патрик Модиано. Незнакомки. Перевод с французского Ирины Волевич. СПб.: Азбука, 2015, 160 с.

² Паоло Соррентино. Молодость. Перевод с итальянского Анны Ямпольской. М.: Корпус, 2015, 224 с.

На фоне Альп, где солнце, небо, коровы на лугу, под звон коровьих колокольчиков сладкой курортной жизнью живут два друга, английский композитор Фред Баллинджер и американский кинорежиссер Мик Бойл, группа сценаристов, дочь Фреда, сын Мика, английский посланник, безмолвная немецкая пара, маленький мальчик-скрипач, голливудская звезда Джимми Три и другие отдыхающие. Родители и дети высказывают друг другу все накопившееся, супруги разводятся, оплакивают брак и утешаются в новых отношениях, или, напротив, остаются верны сложной, путаной, но вечной любви, сценаристы придумывают финалы, актеры пристально следят за миром, чтобы точнее повторить его, женщины вытирают пыль и танцуют, скалолазы лазают по скалам, старые друзья совершают предательства — или, напротив, остаются верны дружбе. О, *dolce vita*.

Линия с Баллинджером и Бойлом, пожалуй, основная. В ней забытые, пропавшие из литературы и реальности темы настоящей мужской дружбы со сложным балансом между полной правдой и ее неранящей частью. Мик болеет всеми болезнями и покупает в аптеке горы лекарств, Фред здоров, как бык, но покупает за компанию — молчаливая поддержка. Мик спрашивает по утрам: «Ты сегодня мочился?» — Фред говорит: «Да» — и тут же доверяет: «Две капли». Фред спрашивает, спал ли Мик с женщиной, в которую они оба были влюблены 60 лет назад, и Мик отвечает:

— Настоящая трагедия — поверь мне, это трагедия — в том, что я не помню, спал я с Джильдой Блек или нет.

— Ты серьезно?

— К сожалению, да. Клянусь!

Текст претендует быть романом, а не сценарием, но местами режиссерская манера узнается: Соррентино-писатель позволяет себе пустые в художественном смысле слова типа «прекрасный», «чудесный», «английский», «неприятный», чтобы потом Соррентино-режиссер пришел и показал это «прекрасное» и «английское».

Мои фавориты — безмолвная немецкая пара преклонных лет. Раз за разом они приходят к столу вдвоем в одежде в тон, прохаживаются вместе, бывают на прогулке, но всегда молчат. То ли так надоели друг другу за долгую семейную жизнь, что уже нет сил говорить, то ли это любовь такой глубины, что ей не требуется слов. Волей-неволей хочется видеть их в кадре, по возможности, часто

и, по возможности, со статичной камерой, одетых в тон, молчащих. Фильма я так и не смотрела, но, говорят, он еще мелькает в прокате.

В 2015 году вышло три романа, вернувших мне забытое ощущение художественной литературы как другого мира, втягивающего в себя — чтобы читать было не скучно. Это книги Филиппа Майера «Сын», Рут Озеки «Моя рыба будет жить» и «Погребенный великан» Кадзуо Исигуро.

Филипп Майер — американский писатель, не известный русскоязычному читателю. Он начал писать прозу в 20 лет и свой первый роман решил не издавать. Второй — «Американская ржавчина» — закончил в 33 года. Роман открывает главную для Майера тему и утверждает избранный стиль: эпопея становления Америки в модернистском духе Джойса и Вульф. Перо Майера сравнивали со всеми титанами американской литературы от Стейнбека до Фолкнера — и это отчасти уместное сравнение. Роман получил множество профессиональных наград и переведен на 11 языков в 16 странах, но русского перевода нет (я не нашла).

Зато, к счастью, есть вторая книга Майера, роман-эпопея «Сын»¹, где становление страны отражено в истории живущих в Техасе шести поколений МакКаллоу от 1811 года до современности — сравнение с фолкнеровской трилогией опять напрашивается само. Сложные отношения между членами семьи складываются на фоне войн с индейцами и покорения сухой неплодородной земли, потом — на фоне войн белых и мексиканцев и эпохи скотоводства, наконец — по поводу разработки нефтяных скважин, не для обогащения, а чтобы еще и еще раз увидеть, как из ничего появляется что-то, как на пустом месте появляется город.

Майер по-хорошему грандиозен: ни капли иронии, ни секунды суеты, широкие мазки, богатая галерея характеров, величие замысла, здоровый эпический пафос. Так пишет сын могучей страны, наследник американской литературы.

За роман «**Моя рыба будет жить**»² (шорт-лист Букера 2013) американской японке, лингвисту и буддийскому священнику **Рут Озеки** вручили премию «Ясная поляна» — впервые российской

¹Филипп Майер. Сын. Перевод с английского Марии Александровой. М.: Фантом-Пресс, 2015, 569 с.

²Рут Озеки. Моя рыба будет жить. Перевод с английского Екатерины Ильиной. М.: АСТ, 2013, 480 с.

литературную премию получил иностранный автор за роман на иностранном языке. С 2015 года у «Ясной поляны» есть номинация «Иностранная литература», так вот из всего, вышедшего за несколько прошлых лет, жюри выбрало книгу Рут Озеки. Между прочим скажу, что в лонг-листе премии были Джулиан Барнс, Элеанор Каттон, Тони Моррисон, Донна Таррт, Матей Вишнек, Джон Кутзее, несколько романов Мишеля Уэльбека, Джонатан Франзен с «Поправками» и другие прекрасные кандидаты.

Рут Озеки я читала с предубеждением: какие-то японцы, какой-то мистицизм. А роман мне неожиданно понравился: и японцы с понятными страстями, и мистицизм уместный. Четырнадцатилетняя Наоко два года выносит исключительной жестокости издевательства одноклассников, не сопротивляется, не обращается за помощью. Ее папа разорен, погружен в депрессию и регулярно совершает попытки самоубийства — безуспешные и от того местами комичные. Ее мама кое-как справляется с реальностью. Мир состоит из нищеты, боли, инфантильных взрослых, подросткового отчаяния и смерти — прекрасной, желанной, спасительной и неизбежной. Не нужно быть японцем, чтобы понять. Параллельно этому миру есть мир Рут Озеки — американский, писательский, с надвигающимся альцгеймером, непонятным дневником непонятной японской девочки, чудаковатым супругом и потерявшимся котом. Есть и третий мир — в нем буддийская монахиня 104 лет ежедневно по много часов медитирует в дзадзен во благо всех живущих. Так появляется клубок связей между писателем, его героем и читателем, и между полюсами прошлого и будущего, мертвых и живых, сна и яви, монахов и шлюх, Азией и Америкой. Для этих связей есть такой же клубок метафор: океанское течение, принесшее японский мусор к американским берегам, рвущееся интернет-соединение, рвущиеся нейронные связи в стареющем мозгу.

В конечном счете, роман о том, что умирать нужно вовремя и с благодарностью, а пока этот благословенный день не настал, нечего унывать и лениться. Остается ежедневная борьба с энтропией: вспомнить забытое, найти потерянное, вернуть украденное, починить сломанное, разобрать чужой почерк, вылечить больного (хотя бы кота), понять незнакомый язык (пусть даже вороний), навестить тех, кого давно не видел, встречать живых, провожать умирающих. Как в детской игре, пишет нам буддийский учитель Рут

Озеки, где нас когда-то убивали понарошку, нам наскучит лежать лицом в землю: «Наконец ты уже больше не можешь, и ты перекатываешься на спину и открываешь глаза, и вот над тобой огромное, толстое, ленивое небо, все в облачках. Ты моргаешь, наполовину уже поверив, что это не понарошку, смерть и вправду пришла. Медленно поднимаешь руку, потом ногу, просто посмотреть, что ты это можешь, а потом... хей! Смерти нет! С облегчением ты вскакиваешь на ноги, подбираешь ружье, самовольно возвращаешься в ряды живых и бежишь воевать опять».

Третий в моем списке — роман **Кадзуо Исигуро «Погребенный великан»**¹ и полумифологическое прошлое Англии VI века. Саксы сражаются с бриттами, Мерлин насылает чары забвения, старик со старухой, Аксель и Беатриса, смутно помнят, что у них был сын, и идут пешком по стране, надеясь вспомнить его имя или лицо, а лауреат премии «Уилбрет» (1986) и «Букер» (1989), член Королевского литературного общества Кадзуо Исигуро исследует этические категории памяти, мести и донкихотства — с той же мрачной беспросветностью, однозначностью и катастрофичностью, что и во всех предыдущих романах.

Дымка над английскими холмами преследовала Эцуко, героиню его первой книги 1982 года, после самоубийства дочери. В «Остатке дня» (1989) сгущалась атмосфера угасания, распада и предчувствия войны. Герои «Когда мы были сиротами» (2000) точно так же блуждали в тумане утраченного и тающего прошлого. «Не отпускай меня» (2005) не оставлял ни малейшего шанса персонажам на свободу воли, мир запросто делился на мучителей и мучеников. Так что и «Погребенного великана» Исигуро написал, чтобы, в знакомом антураже марева, забвения и надвигающейся катастрофы, сообщить читателю: все одиноки, все умирают и никакого прощения, никакого человеческого тепла и даже душевного покоя — нет.

Но если вы уже сделали выбор между противлением злу насилем и прощением, между памятью о боли, добровольной амнезией и, опять же, прощением, и философский конфликт вам не страшен — то вас ждет древняя Англия. Над вересковыми пустошами висит туман, тропинка вьется и выводит к мосту, монахи истязают собственную плоть, отмаливая человеческие грехи, огры пожирают

¹Кадзуо Исигуро. Погребенный великан. Перевод с английского Марии Нуязиной. М.: ЭКСМО, 2016, 413 с.

маленьких детей, благородный рыцарь Гавейн сражается именем короля Артура с не менее благородным воином Вистаном, старик несет полуживую жену на руках и с удивлением замечает, что боль от ее измены полувековой давности так никуда и не делась, а дракониха Квериг умирает в овраге, бесконечно одинокая, грустный символ неизвестно чего, не приготившийся автору — и вот ее-то жальче всех. Читайте роман как сказку, тогда все будет хорошо. А как руководство к действию — читайте Озеки и Соррентино, в крайнем случае — Модiano.

Еще немного Англии, более поздней и куда более прекрасной, от английского классика. Неожиданно нашелся и вскоре вышел по-русски дебютный юношеский роман **Гилберта Честертона «Бэзил Хоу»**¹. Роман, как следует из вступительной статьи Николая Эппле, автобиографический. Сыплющий грустными парадоксами, развлекающий светское общество и за смиренным шутловством скрывающий измученную одиночеством душу Бэзил Хоу — двадцатилетний, худой, несчастный и холостой Честертон. Выбор Честертона между тьмой и светом (точнее, между унылым оккультизмом и ежедневной практикой христианской благодарности), выбор сознательного усилия к счастью — известен. История Бэзила Хоу подробно описывает, как любовь сотворяет это чудо: Бэзил скрывает лучшие чувства за маской самоиронии, а исключительно чуткая Гертруда Грей умудряется под нее заглянуть и вытянуть на свет божий доброту и благородство души. Конечно же, напрашивается мысль, что в образе Гертруды Грей мы видим жену Честертона Френсис Блогг. Дело только в том, что записные книжки с черновиками романа датируются 1893–1894 годами, когда до знакомства с Френсис Блогг оставалось еще два года. Сопоставление разных фрагментов дневников и записок привело исследователей к мысли, что взбалмошная рыжеволосая Гертруда Грей — Вайолет, младшая из сестер Вивиан, в которую юный Честертон и в самом деле был влюблен. Знакомство Бэзила Хоу и Гертруды прерывается и возобновляется только через шесть лет. Примерно этот срок Честертону нужен, чтобы обрести достаток и сделать предложение руки и сердца.

В счастливом союзе Честертон и Вайолетт Вивиан были уверены не только он сам, но и его друзья. Под одной обложкой с «Бэзи-

---

¹Гилберт Честертон. Бэзил Хоу. Наши перспективы. Перевод с английского Николая Эппле. М.: Корпус, 2015, 288 с.

лом Хоу» издан рассказ о «Клубе юных спорщиков», созданном и возглавленном Честертоном в школе Св. Павла. «**Наши перспективы**» занятно устроены: каждый из членов клуба писал по главе, опираясь на предыдущую, Честертон сочинил первую и редактировал все тексты, а в результате должен был получиться переполненный фантастическими и абсурдными ситуациями роман о славном будущем — обещание счастья для всех. Пожалуй, это самое оптимистичное, светлое и задорное произведение Честертона — что и не удивительно: конец XIX века, Лондон, одна из лучших частных школ, горстка двадцатилетних джентльменов на досуге пишет о том, как искрометно и триумфально они намерены прожить свою жизнь. Роман остался недописанным и будущее оказалось иным: через два года Честертон познакомится с Френсис Блогг, через четыре, действительно, сможет предложить ей руку и сердце, проживет с ней жизнь, полную любви, но образ дерзкой, рыжей младшей Вивиан будет кочевать из одной его книги в другую.

Еще немного викторианского рая, менее солнечного, но подводящего обзор к литературе нон-фикшн — книга **Кирилла Кобрин** «**Шерлок Холмс и рождение современности**»¹. Англия XIX века — иконический образ, куда, не сходя с родного дивана, эмигрировали русские интеллигенты времен Тургенева. Рассказы о Шерлоке Холмсе этот мир расцветили и оживили. Современная Англия — место, где русский историк, прозаик и журналист Кирилл Кобрин живет сейчас. Его книга об Артуре Конан Дойле и русском переводе его рассказов, о мире чопорного уютя и размеренности, полном секретов и тайн, и себе самом, четверокласснике, читавшем эти рассказы в СССР 70-х. В ней есть мелкие детали, вроде случаев применения *Married Women's Property Act* 1882 — закона, наделившего замужних женщин правом собственности, общие рассуждения о взглядах на добро и зло в викторианском мире и любопытное мнение об экранизациях произведений Конан Дойля. Выход книги удачно совпал с объявленным в России Годом Англии (2016) и новыми фильмами холмсианы: почти сразу после «Безобразной невесты» с Камбербэтчем вышел «Мистер Холмс» Митча Каллина с Иэном Маккеллином в главной роли.

¹Кирилл Кобрин. Шерлок Холмс и рождение современности: деньги, девушки, денди викторианской эпохи. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015, 184 с.

Роман Фредерика Бегбедера «Уна и Сэлинджер»¹ — это *faction*, жанр, где персонажи, места, события и даты — реальны, а все остальное — на совести автора, как и изобретенный им по случаю окказионализм «*faction*». Его герои — пятнадцатилетняя Уна О’Нил, дочь нобелиата Юджина О’Нила, и Джером Д. Сэлинджер, писатель, которому 21 год. Они немного напоминают Бэзила Хоу и Гертруду. Они познакомились в Америке в 1941-м, в день, когда Франция была оккупирована Германией. У них счастливый роман, но им не видно собственной судьбы. Реальная Уна выйдет замуж за Чарли Чаплина, чтобы заменить им обожаемого отца — и проживет 35 счастливых лет в браке. А Сэлинджер отправится воевать, а потом станет Сэлинджером, любимым писателем Бегбедера. Читать стоит ради трогательной истории, вечной юности, возможности послушать Бегбедера от первого лица — в романе много вставок о том, как он знакомился с прозой Сэлинджера, как нашел фотографию Уны, как поехал снимать документальный фильм о Сэлинджере, но побоялся постучаться в его забор. И еще — чтобы несколько сгладить впечатления, оставшиеся после другой книги — огромного тома «Сэлинджер»² Дэвида Шилдса и Шейн Салерно. Эта биография, даром что составлена целиком из хронологически подобранных документов, интервью, свидетельских показаний в судах и воспоминаний третьих лиц, все же выглядит так, будто авторы пытались сделать скандальную и разоблачительную книгу о Сэлинджере — бесчувственном педанте.

Закончим обзор еще одним нобелевским лауреатом. Поэт, праведник мира и кавалер ордена Белого орла **Чеслав Милош** — третий из четырех польских нобелиатов от литературы. Впервые по-русски вышла его «Азбука»³ — «биографический словарь» о литературе, написанный в 1997 году. Не удивляйтесь, на «А» вы найдете «Адама и Еву» и «Алкоголь», на «Т» — «Травму и обиду», а на «У» — Уолта Уитмена. Милош писал «Азбуку», как «огромный клубок переплетенных судеб — трагических и комических; цвета,

¹Фредерик Бегбедер. Уна и Сэлинджер. Перевод с французского Нины Хотинской. СПб.: Азбука, 2015, 320 с.

²Дэвид Шилдс. Шейн Салерно. Сэлинджер. Перевод с английского А.А. Калинина. М.: Эксмо, 2016, 720 с.

³Чеслав Милош. Азбука. Перевод с польского Никиты Кузнецова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015, 608 с.

формы, звучание разных языков и акцентов» и включил в нее тех, с кем был знаком лично, и всех и вся, кто и что повлияло на него как писателя — и на литературу XX века в целом. Алкоголь, травмы и Уитмен, спору нет, повлияли. Словарная форма позволяет читать «документальный роман» с любого места, а мягкость и спокойствие стареющего Милоша делают занятие умиротворяющим.

